

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316.42, 314.6d

JEL I32, D31, D6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223

EDN OJQSQD

Структура потребительских расходов домохозяйств и бедность

Александр Александрович Ткаченко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
(aatkachenko@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>)

Аннотация

Целью исследования является анализ динамики структуры расходов домашних хозяйств для выявления меры/уровня бедности населения, напрямую не связанной с национальной чертой бедности и более информативно отображающей реальные процессы в уровне бедности разных доходных групп домохозяйств. Методологической основой исследования являются соответствующие методы и методология работ Э. Энгеля и современные исследования этой проблемы. Дана характеристика изменений в структуре расходов домохозяйств на потребление в России и ряда развитых стран, выявлены позитивные и негативные отличия, требующие более точной оценки уровня бедности среди российских домохозяйств и населения. Выявлена не снижающаяся дифференциация регионов по структуре расходов, отражающих уровень бедности. Показаны реальные масштабы распространения бедности среди децильных групп российских домохозяйств, значительный и не сокращающийся разрыв в доходах и расходах городских и сельских домохозяйств, который может привести к недостижению национальных целей развития к 2036 г., прежде всего в индикаторах здоровья населения. Особое место уделено проблемам многодетных семей, обнажающимся при анализе структуры их расходов, прежде всего различий в доле затрат на питание в семьях с разным количеством детей. Исследование позволило сделать вывод о слабой базе экономического роста за счёт внутреннего потребления, о необходимости обязательного учёта динамики структуры расходов населения и прежде всего доли расходов на питание при оценке социально-экономического и демографического развития территорий.

Ключевые слова: расходы домохозяйств на потребление, многодетные семьи, дифференциация регионов, бедные домохозяйства, закон Энгеля, бюджетные обследования, расходы на здравоохранение, государственная политика, средний класс

Для цитирования: Ткаченко А.А. Структура потребительских расходов домохозяйств и бедность // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 211–223. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223 EDN OJQSQD

RAR (Research Article Report)

JEL I32, D31, D6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223

Household Consumer Expenditure Structure and Poverty

Alexander A. Tkachenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
(aatkachenko@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>)

Abstract¹

The aim of the study is to analyze the dynamics of the structure of household expenditures to identify the measure/level of poverty of the population, not directly related to the national poverty line; the structure more informatively reflects the real processes in measuring the poverty level of different income groups of households. The methodological basis of the study is the corresponding methods and methodology of the works of E. Engel and modern research on this problem. The article provides a description of changes in the structure of household consumption expenditures in Russia and a number of developed countries, identifying positive and negative differences that require a more accurate assessment of the level of poverty among Russian households and the population. A persistent differentiation of regions in the structure of expenditures reflecting the level of poverty has been revealed. The real scale of poverty prevalence among decile groups of Russian households, a significant and persistent gap in the income and expenditure of urban and rural households are shown. This gap could lead to failure to achieve national development goals by 2036, particularly in population health indicators. Particular attention is paid to the problems of large families, which are revealed by analyzing the structure of their expenses, primarily the differences in the share of food costs in families with different numbers of children. The study led to the conclusion that the basis for economic growth due to domestic consumption is weak, as well as the need to consider the dynamics of the population's expenditure structure – primarily the share of food expenditures when assessing the socio-economic and demographic development of territories.

Keywords: household consumption expenditure, large families, regional differentiation, poor households, Engel's law, budget surveys, health care costs, state policy, middle class

For citation: Tkachenko A.A. Household Consumer Expenditure Structure and Poverty. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):211–223. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223 (In Russ.)

© Ткаченко А.А., 2026

*Что суетится народ, что кричит?
–Прокормится он хочет,
Вырастить хочет детей,
как-нибудь их прокормить.*

И.В. Гёте¹

Введение

В отечественной научной литературе значительное число публикаций посвящено проблеме бедности населения и его социально-демографических групп [1; 2]. Особое место как в этих исследованиях, так и в официальной статистике занимает проблема детской бедности [3; 4]. Наиболее представительную информацию о бедности на национальном уровне дают обследования бюджетов домашних хозяйств по выборочному методу, которые проводятся в большинстве стран ежегодно на основе репрезентативной выборки. Значительный интерес представляет в этих обследованиях информация о структуре расходов домашних хозяйств/семей на потребление, которая, в том числе, может многое сказать о финансово-материальном положении домохозяйств. В данной статье особое внимание в анализе структуры расходов будет уделено расходам на питание, доля которых после открытия закономерности Э. Энгелем считается важным показателем благосостояния семей/домохозяйств. Целью исследования является анализ динамики структуры расходов домашних хозяйств для выявления меры/уровня бедности населения, напрямую не связанной с национальной чертой бедности и более информативно отображающей реальные процессы в уровне бедности разных доходных групп домохозяйств. Необходимо показать общие изменения в структуре потребления с ростом доходов и представить сравнительный анализ этой структуры в ряде стран. Объект исследования – долевая структура расходов на потребление в России и её регионах, а предмет исследования в основном ограничен долей расходов на питание в домохозяйствах различного профиля, хотя внимание обращено и на другие, важные, виды расходов. Основной задачей исследования является оценка изменений долевой структуры расходов домашних хозяйств на потребление по бюджетным обследованиям, динамики их распределения между децильными группами домохозяйств и регионами страны для выявления уровня бедности в соответствии с законом Энгеля. В соответствии с теоретическими ожиданиями можно выявить меру соответствия высокой доли расходов на питание бедности населения в регионах с более низкими показателями уровня экономического развития. Гипотеза исследования состоит в предположении об отсут-

ствии прогресса в уменьшении дифференциации в доходах и расходах децильных групп российских домохозяйств и в уровне бедности нижних децильных групп, определяемой по индикатору доли расходов на питание.

На широком поле работ по бедности, которую исследователи рассматривают как результат недостаточных для данного общества доходов [5] или как более широкий социально-экономический феномен [6], почти нет работ по долевой структуре расходов семьи/домохозяйства как важной характеристики их уровня жизни и благосостояния всего населения. Вместе с тем, на структуру расходов влияет динамика доходов населения, которая в России не имеет в 2020-е гг. *чёткого тренда роста*. Доля расходов на питание рассматривается в работе А. Ярашевой и С. Макара, но только в разрезе федеральных округов [7], что делает её результаты мало сравнимыми с данным исследованием.

Ограниченность работ с анализом социальных, экономических и демографических факторов, которые влияют на конечные потребительские расходы домохозяйств со стороны спроса, отмечена и в статье [8, с. 123]. Но сам автор ограничился вопросом о стимулировании частных расходов, прежде всего на потребление, с помощью монетарных инструментов в странах Восточной Азии, и в статье не рассматриваются различия структуры этих расходов между странами или между социальными группами в этих странах [8]. В то же время бедность влияет на такой важный демографический показатель, как продолжительность жизни. Исследование американских учёных и экспертов показало, что ожидаемая продолжительность жизни для мужчин, достигших сорокалетнего возраста, резко различается в зависимости от распределения доходов: верхняя 1% группа имеет показатель 87,3 года, что на 14,6 года превышает показатель мужчин, находящихся в нижнем 1% распределения доходов [9, с. 1753].

Почти отсутствуют также работы отечественных авторов, рассматривающих структуры расходов российских домохозяйств/семей и анализирующих эти структуры как чуткий индикатор расслоения по доходам, а единичные – посвящены другим странам, например, Таджикистану [10]. Можно найти примеры высоких затрат на воспитание и образование детей в Республике Корея [11], но очень мало аналогичных работ по российской семье. По данным доклада Европейскому союзу о расходах на содержание детей Мари-Терез Летабле и её коллеги оценили относительные прямые затраты на первого ребёнка в 20–30% бюджета среднестатистической бездетной пары.²

¹ Гёте И.В. Римские элегии. Эпиграммы. Венеция 1790. М.: Книга», 1982. С. 240.

² The Costs of Raising Children and the Effectiveness of Policies to Support Parenthood in European Countries: a Literature

Редкость российских публикаций о финансово-материальных затратах на детей, вероятно, частично связана с недостаточностью или даже отсутствием искомой информации и статистических данных. Абсолютно преобладают статьи о затратах на лечение болезней или в меньшей мере о затратах времени на воспитание и уход за детьми, что мало меняется во времени в отличие от затрат на обучение, питание и т.п. За последние пять лет около 80% работ связано с лечением или здоровьем детей, только 3 работы из 100 – с затратой времени родителей на детей, и практически нет работ о затратах в целом на воспитание и уход за ребёнком. Одна из немногих работ рассматривает расходы на питание как индикатор уровня жизни на основе данных авторского обследования в Карелии [12]. Считая расходы на питание индикатором уровня жизни, авторы этого обследования получили среднюю долю расходов на питание в семейных бюджетах 57,1%, и в целом делают вывод о низких показателях уровня жизни населения Республики Карелия [12, с. 7]. Такой подход к расходам на питание как индикатору уровня жизни полностью соответствует выявленной Эрнстом Энгелем закономерности, остающейся применимой и к современным исследованиям.

Теоретические и методологические основы

Бедность всегда связывалась с недоеданием и даже голодом, поэтому в цивилизованных государствах ещё в средние века городские светские и церковные власти пытались организовать институты помощи определённым слоям населения. То что бедные люди питаются плохо (недостаточно, некачественной едой, однообразно) общеизвестно, но на не только характеристику их питания, но и на структуру расходов особое внимание обратил только Э. Энгель, известный германский (саксонский и прусский) статистик и социальный экономист, проанализировавший в работе 1857 г. [13] бюджеты семей и развивший эти идеи в работе 1895 г. [14]. Вторая половина XIX века была периодом важных научных открытий в исследовании семейных доходов и расходов, научного подхода к их структурам и закономерностей изменения этих структур, что в современных условиях позволяет проводить анализ данных обследований бюджетов домашних хозяйств, которые осуществляют государственные органы статистики. Энгель первым пришел к выводу, что «сумма расходов на продукты питания при прочих равных условиях является безошибочным показателем материального положения населения вообще» [13, с. 169].

Review / M.-T. Letablier, A. Luci, A. Math, O. Thévenon. A Report to the European Commission. European Communities, 2009. 164 p. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=2268&langId=en>. P. 20. (дата обращения: 03.03.2026).

В своей работе [14] он не только развил положения сформулированного им закона, но и дал методологию исследования при анализе данных по бюджетам германских и французских семей, считая, что анализ бюджетных обследований должен давать ответы на вопрос, как влияют на потребление различные профессиональные, социальные, местные и другие условия, в которых живут семьи.

Хотя большинство исследователей считает, что подход Энгеля к потребительским расходам никогда не предполагал сосредоточения внимания исключительно на доле бюджета, выделяемой на продукты питания, исходя из цели данного исследования, мы сосредоточимся на анализе доли расходов на питание в общих расходах домохозяйств, уделяя меньше внимания другим расходам. Теоретической основой этого анализа будут работы Э. Энгеля, закономерности, определяемые его законом, и теоретические работы его последователей. Методология Энгеля, его статистических исследований массивов бюджетов и основанная на анализе домохозяйств разных стран, чётко оговаривает, что закономерности могут быть выявлены только на значительных промежутках времени. Поэтому работы, в которых применяют различные виды моделирования и сравнение на коротком промежутке времени, методологически неверны и теоретически бесполезны. Современное исследование европейских стран, включая бывшие страны с переходной экономикой, показало сохраняющуюся энгельскую закономерность, хотя в данном случае она и нелинейна [15].

Э. Энгель опирался на работу и данные из обследования бюджетов рабочих Бельгии бельгийского статистика и публициста Э. Дюкпеттио, изданную в 1855 г.,³ в которой обобщены результаты обследования, проведённого в 1854 г. центральной статистической комиссией, и определён прожиточный минимум, в котором доля расходов на питание составляла более двух третей – 67,7%. Э. Энгелю первому удалось сравнить потребление отдельных членов домохозяйства в соответствии с возрастом и полом и разработать, как отмечает М. Грингс, «эквивалент потребления взрослого» [16]. Современные исследователи разных научных направлений – демографы, социологи и экономисты – широко пользуются эквивалентами потребления, включая и российскую практику исчисления прожиточного минимума по трём демографическим группам, кроме общего показателя. В данной работе методология основана на выделении той части энгельской закономерности

³ К сожалению, работы Е. Дюкпеттио в российских социолого-статистических и экономических исследованиях не упоминаются. Напр., Ducpétiaux E. Budgets économiques des Classes ouvrières en Belgique: Subsistances, Salaires, Population. Bruxelles, 1855. 340 p. (переиздание: Nabu Press, 2014).

об обратной взаимосвязи дохода и доли питания в расходах, которая позволяет установить иной критерий бедности по сравнению с прожиточным минимумом. Такой критерий встречается и в российских публикациях, где 50% расходов на продукты питания от величины располагаемого дохода считается критической величиной [12],⁴ что, по нашему мнению, всё же завышено, поэтому может считаться критической величиной для определения *крайней бедности* (нищеты).

Методически сравнения за последний период затруднены и не всегда корректны, так как публикации Росстатом данных по обследованиям бюджетов домашних хозяйств, начиная с итогов 2024 г., временно прекращены.⁵

В работе используются макроэкономические данные, включая данные Всемирного банка, данные Росстата по выборочным обследованиям бюджетов домашних хозяйств, сопоставимые благодаря COICOP classification 2018,⁶ данные статистического органа Европейского союза (Евростат) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также CEIC Data как международный источник макроэкономической базы данных, индийского национального обследования бюджетов домохозяйств (Household Consumption Expenditure Survey: 2023-24). Автор использовал такие методы исследования, как статистические группировки, сравнительный анализ, систематизацию и обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение

В отличие от России в структуре расходов домохозяйств ЕС по 12 основным категориям на основе текущих цен основную долю – почти четверть всех расходов домохозяйств в среднем по странам ЕС (23,6%) занимают расходы на жильё и его обслуживание: воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива. Значительной долей считается доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки – 13,2%, и к ней очень близка доля расходов на транспорт – 12,7%, но она в последние годы снижается.⁷

⁴ Остаётся непонятным почему авторы берут долю расходов на питание по отношению к доходу? В таком случае, по отношению к расходам эта доля вырастет почти до двух третей, а это уже не бедность, а нищета.

⁵ Заметим, что выявленные колебания в уровне дохода домохозяйств и отсутствие видимого прогресса за последние 12 лет в свою очередь отражаются на репродуктивных планах семьи и на её возможностях платить по ипотеке.

⁶ Сравнение между странами возможно благодаря Классификации индивидуального потребления по назначению (COICOP classification 2018) Статистического отдела ООН, введённой в 2018 г., в которой двенадцать агрегированных категорий расходов определены единообразно для всех наблюдений.

⁷ Household consumption by purpose. Expenditure Survey: 2023-24. Fact Sheet on HCES: 2023-24. P. 4. URL: <https://www.>

Рассматривая бюджеты домашних хозяйств в 2020-е гг., нельзя не отметить, что пандемия COVID19 повлияла на большинство сторон жизни населения большинства стран и мирового сообщества в целом. Последнее широко обсуждается в свете ЦУР ООН, так как пандемия отбросила достигнутые показатели, приближавшие к цели ООН по ликвидации нищеты (крайней бедности) и сокращению бедности в наименее развитых странах, и тем самым, скорее всего, отложила рубеж 2030 г. на более поздний срок. Если дифференциация этого индикатора между странами рассматривается скорее в географическом ключе: Южная Азия и Африка к югу от Сахары как два основных региона крайней бедности, то в нашей стране это скорее дифференциация по социальным и этносоциальным признакам, а кроме того – сохраняющиеся по большинству показателей различия города и деревни. После выхода из системного кризиса 1990-х гг., который привёл и к росту доли расходов на питание в конце первой половины этого периода до 49,0% для всего населения страны, что более-менее коррелировало с долей населения ниже прожиточного минимума (25–31%),⁸ одни и те же субъекты Федерации остаются отстающими по основным показателям, в том числе отражающим уровень жизни⁹ населения, и им оказывается финансово-материальная помощь федерального центра. Но основная проблема в том, что, во-первых, все 5–8 таких регионов, относимых по принятой в ряде исследований терминологии к депрессивным, являются национальными автономиями (республиками, областями, округами) и, во-вторых, имеющими достаточный природный и человеческий потенциал для успешного развития, которого, к сожалению, пока не происходит [18, с. 116–118].

На социальной политике помощи семьям отражается общее экономическое благополучие государства и определяемые им количественные возможности размеров помощи. На этой политике не могло не отразиться циклическое развитие экономики в 2010-е и 2020-е годы, что вызывало и соответствующую динамику доходов домохозяйств. Так, за 2013–2024 гг. подушевые доходы российских домохозяйств падали 6 раз, в том числе в 2013–2016 гг. они сократились почти вдвое –

mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/HCES%20FactSheet%202023-24.pdf; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 03.03.2026).

⁸ Эти показатели стали рассчитываться только с 1992 г. Российский статистический ежегодник. Госкомиздат России. М., 1998, с. 207.

⁹ Мы не касаемся качества жизни как более сложного феномена, учёт которого может в определённой мере изменить эту картину [17].

до 56,90%. Последнее падение в 2023 г. по сравнению с предыдущим составило более 9%, но даже рост в 2024 г. душевого дохода домохозяйств до 8 179 долл. не привёл к достижению максимального достигнутого уровня 2013 г.¹⁰, уровень дохода домохозяйств в 2024 г. составлял только 84,66% от уровня 2013 г. При этом 2013 г. является также годом с минимальной долей расходов на питание, что вполне *согласуется с закономерностью Энгеля*: доля расходов на питание в общих расходах домохозяйств составляла 27,7%, в то время как десятилетием раньше 37,7% (2003) и десятилетие спустя 31,5% (2023), увеличившись в четвёртом квартале 2024 г. до 34,2%.¹¹

Современные исследователи пытаются развивать идеи Э. Энгеля о положительной связи доли потребления продуктов питания и размера семьи и отрицательную – о доходе и размере семьи, которая нарушалась в ряде стран Центральной и Восточной Европы, где происходил рост доли продуктов питания, несмотря на рост доходов, что связано с особенностью моделей потребления этих продуктов [15].

Рост доли расходов на продукты питания в России наблюдался как в семьях с детьми до 16 лет, так и в семьях без детей: в первых он вырос за 2023–2024 (IV квартал)¹² на 2,7 процентных пункта и достиг 33,0% и в бездетных – на 2,3 пункта и достиг 32,0%.¹³ Существенное влияние роста затрат на продукты и доли расходов на продовольственную корзину на положение как большинства населения/домохозяйств (исключая разве что два самых доходных дециля), так и семей можно проследить по расходам семей с разным числом детей. Доля этих расходов выросла в 2024 г. по сравнению с 2023 г. у всех семей, но более всего в домохозяйствах с одним ребёнком – почти на три процентных пункта (2,9) и менее чем на один пункт (0,8) в домохозяйствах с тремя и более детьми, которые с 2025 г. стали считаться многодетными (до указа 2024 года¹⁴ статус многодетной семьи, установленный в субъекте, завершился с достижением детьми определённого возраста за исключением семей с 5 и более детьми); у домо-

¹⁰ Russia Household Income per Capita // CEIC Data: [сайт]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/russia/annual-household-income-per-capita> (дата обращения: 20.02.2026).

¹¹ Рассчитано по: Уровень и состав располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 20.02.2026).

¹² Здесь и далее все сравнения с 2024 г. проводятся по данным 4-х кварталов.

¹³ Структура потребительских расходов домашних хозяйств по КИПЦ-ДХ по наличию детей // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁴ Установлены новые ключевые юридические аспекты статуса многодетных семей, которых ранее не было: бессрочность, возраст детей и состав семьи.

хозяйства с двумя детьми рост составил 2,6 п.п.¹⁵ Эти различия объясняются скорее общей закономерностью экономии при росте числа членов семей/домохозяйств.

Заметим, что уровень бедности многодетных семей к 2030 г. должен по планам государства составить не более 12% и к 2036 г. – не более 8%,¹⁶ в то время как национальные цели развития, принятые в 2020 г.,¹⁷ предусматривали снижение уровня бедности всего населения в два раза относительно показателя 2017 г. или до 6,4% [19, с. 148]. Следовательно, государственные институции признают более высокий уровень бедности многодетных семей, который сохраняется и на перспективу.

Сравним расходы домашних хозяйств (см. таблицу 1) в России, странах ЕС в целом и Республике Корея (далее – Корея). Подчеркнём, что специалисты и эксперты в исследовании структуры расходов отмечают, что зависимость между доходом и долей расходов и в сфере отдыха и культуры почти так же строга, как знаменитая зависимость, открытая Эрнстом Энгелем. Поэтому доля этих расходов ниже в России на 2 и более процентных пункта, что согласуется с уровнем жизни в представленных в таблице 1 странах. Так, душевой валовой национальный доход (GNI, Atlas method), который значительно точнее отражает межстрановые различия в доходах в отличие от душевого ВВП, в России ниже в 2,4 раза, чем в Корею и в 2,7 раза, чем в ЕС.¹⁸

Высокий уровень развития Республики Корея, который по ряду показателей превосходит даже средние показатели ЕС, виден не только по низким затратам на продукты питания – 12,7%, но и по более высокой доле затрат на информацию и коммуникацию, организацию отдыха и культурные мероприятия,¹⁹ гостиницы и рестораны, по доле затрат на образование, которая более чем в 6 раз выше среднеевропейского показателя, зависящей не только от особенностей страны, но и от возможностей корейских домохозяйств оплачивать высокую стоимость учёбы в университетах.

¹⁵ Рассчитано по: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

¹⁷ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года».

¹⁸ Рассчитано автором по: World Development Indicators // World Bank: [сайт]. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GNP.PCAP.CD&country=#> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁹ Этот важный вид расходов российских домохозяйств характеризуется не только отсутствием роста доли этих расходов, но скорее стагнацией: 7,1% в 2005 г., 6,8% (2010), 5,8% (2020) и 5,4% (2023). С этой динамикой хорошо коррелируют данные работы [20] об отказе большинства семей с детьми от трат на культурные мероприятия [20, с. 21].

Таблица 1

Структура расходов домашних хозяйств по целям потребления в 2023 году, в %

Table 1

Structure of Household Expenditure by Consumption Purposes in 2023, in Percent

Вид расходов	Россия	ЕС	Корея
питание	31,5	13,3	12,7
транспорт	15,8	12,7	9,8
жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	10,4	23,8	17,2
одежда и обувь	7,5	4,2	5,4
личная гигиена, социальная защита, прочие товары, услуги	7,0	6,3	6,0
бытовая техника и текущее содержание дома, мебель	5,7	5,0	3,5
организация отдыха, спортивных и культурных мероприятий	5,4	7,4	8,1
информация и коммуникация	4,2	3,4	5,3
здравоохранение	4,1	4,4	6,2
гостиницы, кафе и рестораны	3,3	9,0	12,0
алкогольная продукция, табачные изделия и наркотики	2,4	3,8	1,4
образование	1,6	0,9	5,5
финансовые услуги, услуги страхования	1,2	6,1	6,9

Примечание: ряд ранжирован по структуре расходов в РФ, сравнение по данным 2023 г. связано с отсутствием данных за весь 2024 г. в России.

Источник: расчёты автора на основе данных Росстата,²⁰ Евростата,²¹ ОЭСР.²²

Структура расходов российских домохозяйств/семей показывает, что на первом месте в отличие от представленных в таблице данных по ЕС и Корее стоит питание, которое близко к трети всех расходов в среднем для всех домохозяйств, поэтому важно проанализировать долю таких расходов по децильным группам. Ещё более опасным выглядит то, что затраты на питание и их доля в структуре расходов в последней на питание в среднем по ЕС заметно ниже даже по сравнению с этой долей у самой состоятельной российской группы домохозяйств (10 децильная группа), где она равна 17,9%, достигая в первой, наименее обеспеченной группе почти половины всех расходов – 47,8%. В России есть даже регионы, в которых доля расходов на питание превосходит половину всех расходов – Дагестан и Ингушетия (2023–2024).

Огромная дифференциация российского населения по доходам, в том числе отражающая, как представляется, крайнюю бедность (extreme poverty) домохозяйств в первой децильной группе, видна при сравнении абсолютных расходов

на потребление децильных групп и расходов на питание (в рублях). Если в 2023 г. вторая группа имеет общую сумму расходов (12 472,0) на 42,39% больше, чем первая группа (8 759,0), то её расходы на питание (5 997,8) выше только на 34,3%, что явно свидетельствует о действии энгельской закономерности. При сравнении первой и десятой групп домохозяйств эти же показатели составляют: общие расходы выше у самых высокодоходных в 8,54 раза (74 806,1), а расходы на питание (12 922,3 руб.) – в 2,92 раза, что свидетельствует о более разнообразном питании. При низких доходах люди, как правило, полагаются на более дешёвые основные продукты.

Оценки бедности и индикаторы её измерения. В российских исследованиях более распространена оценка бедности населения, включая его деление на социально-демографические группы, которая осуществляется по официальным данным российской статистики, основанным на методологии расчёта прожиточного минимума [21, с. 46–47]. Существуют альтернативные расчёты прожиточного минимума, например, по относительному медианному подходу [22], они более близки «к реальности, чем данные на основе так называемого «нормативно-статистического подхода» (прожиточный минимум Росстата) [22, с. 95]. К показателям Росстата в исследованиях долгосрочного характера стоит относиться с необходимой долей скептицизма. Этот вывод связан со следующим. Отсутствие реальной связи вели-

²⁰ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 02.03.2026).

²¹ Evolution of household expenditure by consumption purpose-COICOP 2018, EU, 2014-2024, share of total // Eurostat: [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/3/30/Table_2_2024.png (дата обращения: 02.04.2026).

²² Annual household final consumption expenditure by purpose (COICOP 2018) // OECD: [сайт]. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 02.03.2026).

чины прожиточного минимума с макроэкономическими индикаторами в России очевидно на динамике показателя доли населения с доходами ниже прожиточного минимума – ни экономический кризис 2015–2016 гг.,²³ ни годы пандемии никак не влияли на этот показатель,²⁴ и его динамика показывала устойчивую тенденцию к сокращению.

Особенно нереально выглядят 2020–2022 гг., когда доля бедных уменьшилась на 0,2 процентных пункта (2020), затем на более чем процентный пункт – 1,1 (2021) и в год завершения пандемии, что дезавуирует сам подход к методике расчёта, – на 2,1 процентных пункта (2022). Все развивающиеся страны в годы COVID19 показали рост бедности, вызванный пандемией, которая влияла на свертывание производства, особенно в сфере услуг, рост числа безработных или находящихся в принудительном отпуске, повышение инфляции (даже в европейских странах, 2022) и т.п., а российские статистические органы в эти годы упорно представляли данные о снижении доли бедных. Такие данные не способствуют формулированию адекватной и эффективной государственной политики по снижению бедности и крайней бедности. Некоторые авторы даже предполагают возможность финансирования социальной политики «из региональных бюджетов в контексте борьбы с бедностью населения» [23, с. 59]. В подобной ситуации, несомненно, растущее значение предлагаемого социологами индикатора субъективной бедности,²⁵ когда опросы населения могут более реально показать место этой проблемы в российском обществе. Другое дело, что такие опросы не в состоянии (если они не проводятся государственной статистикой по обширной программе) показать территориально-региональную картину бедности и меру её дифференциации между территориями. А при существующей региональной дифференциации доходов населения и бедности – это самое важное.

Регионы и бедность по индикатору расходов на питание. Различия регионов по показателю доли расходов на продовольствие достигали в 2024 г. 2,3 раза (Дагестан – Ненецкий АО), а по такой же доле среди многодетных семей – 5–7 раз. Максимальные показатели по уровню бедности

среди многодетных семей составляли: Республика Дагестан – 51,4%, Республика Бурятия – 33,8%, Иркутская область – 37,6%, Республика Ингушетия – 37,4%²⁶, а минимальные: Ямало-Ненецкий автономный округ – 7,3%, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра – 7,6%, Москва – 7,7%. При этом 17 субъектов имели данный показатель выше 20%, а в каждом из ещё 10 субъектов он был выше четверти. Таким образом, почти треть всех субъектов России имела *нетерпимо большое* распространение бедности среди многодетных семей, которое в социальном государстве должно считаться аномальным и приводить к соответствующим срочным мерам социальной политики по отношению к этой категории семей. Смещение доминанты от непродовольственной к продовольственной в потребительской стратегии домохозяйств с детьми отмечено и в работе [20, с. 19].

На этом тревожном фоне представляется если не совсем необоснованным, то во всяком случае неясным тезис о многодетных семьях как ключевом ресурсе Стратегии демографического развития²⁷ [24]. Именно семьи, «в которых воспитываются трое и более детей несовершеннолетнего возраста», являются самой уязвимой группой с уменьшенными возможностями «сносного существования» [25, с. 1260]. В другой публикации многодетные семьи относят к проблемной категории граждан [26, с. 96].

Требуется внимания и положение ряда субъектов/регионов, в которых средняя для всех домохозяйств доля затрат на питание близка или даже выше: Северо-Кавказский федеральный округ в целом (49,5), Смоленская область (48,5), Республика Ингушетия (49,8²⁸), Чеченская Республика (48,0), Республика Мордовия (48,3) и близка к ним Кабардино-Балкарская Республика (47,3). Показатель выше 40% наблюдается в 20 регионах/субъектах. В 2024 г. по сравнению с 2023 г. снижение рассматриваемого индикатора наблюдалось в 31 регионе, в остальных происходил рост.²⁹

Коснёмся других целей потребления. С точки зрения социальной и витальной (самоохран-

²⁶ Заметим, что в соответствии со Стратегией 2036 уровень бедности многодетных семей к 2030 г. должен составить не более 12% и к 2036 г. – не более 8%.

²⁷ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р).

²⁸ Дана средняя за 2022–2023 гг. из-за большой колеблемости показателей – 5,5 процентных пункта.

²⁹ При этом в ряде регионов показатель претерпевал за один год столь резкие изменения, что точность данных вызывает сомнения, так в Воронежской области в 2024 г. доля уменьшилась на 9,5 процентных пункта (п.п.), а в Курской возросла на 8,3, в Дагестане возросла на 11,6 п.п. и в Ульяновской области – на 9,8 п.п.

²³ При сокращении ВВП России в 2015–2016 гг. по сравнению с 2013–2014 на 5,9% (в долл. США с учётом ППС) и падении ВВП в текущих долл. более чем на треть (-39,3%). Рассчитано по: ВВП (в текущих долларах США) – Russian Federation // Всемирный банк: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=RU> (дата обращения: 02.02.2026).

²⁴ Несмотря на переход к новой методике его исчисления в 2021 году.

²⁵ Например, бедной считается семья, которая не может себе позволить несколько (обычно не менее трёх) общеприятных благ – среди них отпуск.

тельной) политики внимания, как представляется, требуют регионы, в которых доля затрат на алкоголь и табакокурение составляет 4% и выше, что превосходит как средний показатель по России (2,7–2,9), так и по странам ЕС (3,7%). Это Белгородская область (4,4), Ивановская область (4,1), Курская область (4,8), Тверская область (4,4), Республика Карелия (4,6), Ненецкий автономный округ (4,6), Калининградская (4,7) и Ленинградская (4,3) области, Мурманская (4,0) и Псковская (4,9) области, Пензенская область (4,3), Республика Хакасия (4,2), Красноярский край (4,1), Новосибирская область (5,5), Камчатский край (4,5), Еврейская автономная область (4,9) и Чукотский автономный округ (5,6).

В XXI в. расходы на здравоохранение в российских домохозяйствах повысились в 17,4 раза (2000–2023), а доля этих расходов в общих расходах домохозяйств возросла на 1,8–2,0 процентных пункта, при этом в 2020–2023 гг. эта доля не росла при росте расходов на 45%. Поскольку этот рост заметно выше официальной инфляции, домохозяйства стали тратить больше на медицину, восполняя недостаточность роста государственных расходов, а более бедное население вынуждено значительно шире пользоваться платными услугами здравоохранения [27, с. 15]. Расходы на здравоохранение и образование являются наиболее яркими примерами, где более очевидна роль институциональных условий, например, регулирование нижних или верхних ценовых границ.

Существует и другая проблема расходов на медицину среди российских домохозяйств, связанная с видом поселения. Городские домохозяйства имеют более высокую долю расходов на здравоохранение по сравнению с сельскими: 5% и 3,9% и разную динамику. В последние 2 года доля в городе росла (с 4,5 до 5,0%), а на селе падала (с 4,1 до 3,9%), и главная проблема заключалась не в расходах на медикаменты (их доля приблизительно одинакова), а в динамике расходов на медицинские услуги. В городских домохозяйствах эта доля выросла с 1,9 в 2023 г. до 2,6% в 2024 г.³⁰, а у сельских она уменьшилась с 1,6 до 1,4%.³¹ Это говорит не только о меньших доходах на селе, но более всего о затруднениях с доступом сельских жителей к медицинским услугам, что ещё раз свидетельствует о более низком качестве жизни сельского населения России, и в свою очередь влияет и будет влиять на возможность достижения целевых показателей ожидаемой продолжительности жизни в соответствии с национальными целями

³⁰ Все приводимые данные на 4-й квартал соответствующего года.

³¹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 02.02.2026).

развития до 2036 года. Как отмечают Ю.О. Камаев и соавторы: «Более высокий удельный вес затрат на покупку продуктов питания сопряжен с более высоким уровнем распространения хронических заболеваний» [28, с.102]. В то же время среди «главных социальных болей» в онлайн-опросе (февраль 2026) населения регионов России первое место занимает *качество и доступность медицины*, которое отметили 69% респондентов.³²

Если продолжить сравнения по странам, то уровень первой децильной группы в России 47,8% близок к среднему показателю для сельского населения Индии 48,43%, а городское население Индии имеет показатель 40,31% даже немного ниже (лучше) показателя пятой группы российских домохозяйств (40,8).³³ Поскольку объём располагаемых ресурсов в среднем на члена домохозяйства у сельского населения России почти на треть меньше показателя городского населения (67,9%), то с большой долей вероятности можно утверждать, что доля расходов на питание у нижних децилей сельского населения России выше аналогичных показателей для индийских домохозяйств. В структуре расходов на питание более бедное сельское население России имело значительно более высокую долю, чем городское: в 2018 г. эти доли составляли 40,5% и 30,1%, в 2024 г. соответственно 41,9% и 32,3%.³⁴ И хотя разрыв между показателями города и села уменьшился на 0,8 процентных пункта, довольно затруднительно считать это положительной тенденцией при росте долей расходов и города, и села, превышающих меру сближения.

Различия некоторых регионов по показателю доли продовольствия, если его высокое значение считать одновременно и показателем бедности, в случаях несовпадения (противоречивость) с другими макроэкономическими показателями региона могут быть связаны с микроэкономической теорией, то есть с моделью поведения отдельных домохозяйств, которая определяет структуру и динамику семейных бюджетов. Так, Чукотский АО имеет очень высокую долю расходов на питание – 42,0%, но при этом более высокую зарплату, пенсии и ВРП на душу населения по сравнению со

³² Боли и запросы российского общества: исследование эффективности социальной политики в России. Выпуск 1 // Платформа ЦСП: [сайт]. URL: <https://www.pltf.ru/issledovaniya/boli-i-zaprosy-rossijskogo-obshhestva-issledovanie-effektivnosti-soczialnoj-politiki-v-rossii-vypusk-1/> (дата обращения: 03.03.2026).

³³ Household Consumption Expenditure Survey: 2023-24. Fact Sheet on HCES: 2023-24 // National Statistics Office of India under Ministry of Statistics and Programme Implementation of India: [сайт]. URL: <https://microdata.gov.in/NADA/index.php/catalog/237> (дата обращения: 03.03.2026).

³⁴ Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств по месту проживания // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/1327> (дата обращения: 03.03.2026).

средними показателями по стране. Модели поведения домохозяйств могут значительно различаться у русских, составляющих большинство – 53,70%, и у коренного населения (*indigenous peoples*) – чукчи составляют 28,0% и вместе с другими коренными малочисленными народами более трети – 35,7%. Среди сельского населения региона доля русского населения составляет всего 16,85%, а коренного 61,81%, а вместе с другими малочисленными народами (13,06%), «индигенная» продовольственная корзина составит три четверти.³⁵

Заключение

Повышение доли расходов на питание в 2024 г., небольшое, на первый взгляд, может свидетельствовать о резком ухудшении благосостояния большинства населения, которое в ближайший период может проявиться и в других характеристиках уровня жизни и дифференциации доходов населения, например, в росте индекса Джини. Наш вывод основан, во-первых, на том факте, что рост этой доли произошёл во всех 10 группах домохозяйств по доходу: от самой бедной до самой зажиточной, и, во-вторых, он по предварительным данным продолжился в 2025 году.

Полученная в результате анализа данных по бюджетам домохозяйств за длительный период картина бедности, значительно более широких страт населения России, чем это возможно увидеть на простом отсечении его части чертой бедности, свидетельствует и об ошибочности ряда выводов в опубликованных исследованиях. Так, доля расходов на питание в различных по доходам домохозяйствах позволяет сделать более точные предположения о формировании среднего класса в той или иной стране по сравнению с простой констатацией о значительном росте ВВП на душу населения как гарантии такого же роста среднего класса. Ряд исследователей связывает сокращение бедности с ростом среднего класса в азиатских странах.³⁶ Но при показанных индикаторах доли питания в расходах российского домохозяйства бедность как явление свойственна не только нижним, но средним децилям. Поэтому во второй половине 2020-х гг. невозможно прогнозировать устойчивый рост среднего класса при решении задачи по преодолению бедности [29].³⁷

³⁵ Рассчитано по: Национальный состав населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 02.02.2026).

³⁶ Bonnet A., Kolev A. The middle class in Emerging Asia: Champions for more inclusive societies? OECD Development Centre Working Papers No. 347. OECD Publishing: Paris; 2021 December. 36 p. <https://doi.org/10.1787/93af380b-en>

³⁷ Строго говоря, такая постановка задачи не научна, так как преодолеть бедность как относительное явление невозможно, поэтому и ЦУР ООН ставит только задачи о ликвидации нищеты (крайней бедности) и уменьшении бедности.

Представляется, что доля расходов на питание у первых пяти децильных групп домохозяйств России – более 40% исключает возможность устойчивого среднего дохода этих групп как возможности **вхождения** населения с такими доходами даже в низший средний класс. Подобный вывод можно сделать ещё о трёх децильных группах домашних хозяйств (шестая-восьмая), в которых доля питания занимает от трети до 40% всех расходов, и поэтому они не могут считаться группами высокодоходного (верхнего) среднего класса. Эта реальность показывает **очень слабую базу экономического роста** за счёт внутреннего потребления российского населения, который в мировой практике связывается с растущим средним классом развивающихся экономик (*emerging economies*)³⁸ [30]. Например, **среднему** показателю доли расходов на питание по всем домохозяйствам Китая, при этом с включением доли табака и алкоголя,³⁹ – 29,8% отвечает только девятая группа российских домохозяйств – 28,5% (+2,4% расходов на табак и алкоголь), а превосходит только самая доходная десятая группа, у которой доля составляет 17,9% (+1,9%).⁴⁰ Поэтому в Китае более широкие средние по доходам слои населения могут ощущать свою принадлежность к среднему классу по сравнению с Россией, хотя валовой национальный доход на душу населения в России на 74% больше.⁴¹

Данные обследования Центробанка России и ряд выводов экспертов – авторов аналитической записки подтверждают вывод об отсутствии в 2020-е гг. должной для социального государства эгалитарности государственной политики. Так, в нижней децильной группе домохозяйств медиана денежного дохода на 1 человека составила 12 250 руб.⁴², несмотря на более высокий относительный рост доходов. Следовательно, домохозяйства/семьи нижней 10% группы вынуждены были жить в 2024 г. при таком низком уровне жизни, который не дотягивал до прожиточного минимума более пятой части – 20,7%.

Представленное исследование вносит вклад в литературу по вопросам дохода и бедности,

³⁸ Bonnet A., Kolev A. The middle class in Emerging Asia: Champions for more inclusive societies? OECD Development Centre Working Papers No. 347. OECD Publishing: Paris; 2021 December. 36 p. <https://doi.org/10.1787/93af380b-en>

³⁹ Имеется в виду увеличение за счёт этого доли расходов на питание.

⁴⁰ Households' Income and Consumption Expenditure in 2023 // National Bureau of Statistics of China: [сайт]. (дата обращения: 08.02.2026).

⁴¹ Рассчитано по: GNI per capita, PPP (current international \$) // World Bank: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 03/03/2026).

⁴² Рассчитано по: Финансы российских домохозяйств в 2024 году. Аналитическая записка / Е. Бессонова, Н. Иванова, А. Москалева. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025, с. 5.

проводя структурную оценку общих изменений в бюджетных долях в ряде стран и в регионах России, что помогает пониманию неустойчивости движения к сокращению бедности в регионах и домохозяйствах России и не уменьшающейся региональной дифференциации бедности домохозяйств, несмотря на уменьшающуюся по статистике Росстата бедность, измеряемую долей населения ниже черты бедности и численностью этого населения.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в комплексную оценку «ситуации с бедностью в контексте социально-экономического и демографического развития территории» [31, с. 587] обязательно должна входить оценка динамики структуры расходов населения и прежде всего доли расходов на питание. Результаты анализа подтвердили гипотезу исследования об отсутствии прогресса в уменьшении дифференциации в

доходах и расходах децильных групп российских домохозяйств; показан небольшой рост уровня бедности нижних децильных групп, определяемой по индикатору доли расходов на питание.

Решение задач демографических (развитие народонаселения) и задач в области уровня жизни (повышение благосостояния), обозначенных в целях национального развития 2036 как основные, возможно только при соблюдении принципа системности, так как эти задачи очень тесно взаимосвязаны, но в целевых указаниях и постановке целей в институциональных документах существует разрыв, который может свидетельствовать об отсутствии учёта этого принципа в российской практике разработки национальных проектов, государственных федеральных и региональных программ.

Список источников

1. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1(357). С. 7–19. EDN RXTMNF
2. Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. Хроническая бедность в России: опыт качественного исследования // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 48–58. <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042> EDN XYFPIA
3. Абрамова О.С. Детская бедность в регионе: оценка параметров и разработка рекомендаций по ее снижению // Региональная экономика: теория и практика. 2025. Том 23. № 12. С. 40–53. <https://doi.org/10.24891/aeakuh> EDN АЕАКУН
4. Ткаченко А.А. Детская бедность: феномен и явление // Народонаселение. 2022. Том 25. № 1. С. 43–54. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.4> EDN TPRDZH
5. Журавлева Т.А., Зубанова А. Е., Сороквашина Ю.С. Проблемы бедности, включая бедность работающего населения в России // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Том 20. № 12(519). С. 2294–2312. <https://doi.org/10.24891/ea.20.12.2294> EDN CICLUB
6. Ткаченко А.А. Бедность как социальный феномен // Власть. 1999. № 9. С. 35–43. EDN GPXTDO
7. Ярашева А.В., Макаров С.В. Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики // Народонаселение. 2024. Том 27. № S1. С. 177–189. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189> EDN GSQSQR
8. Arapova E. Determinants of Household Final Consumption Expenditures in Asian Countries: A Panel Model, 1991–2015. *Applied Econometrics and International Development*. 2018;18(1):121-140.
9. Chetty R. The Association Between Income and Life Expectancy in the United States, 2001–2014. *Journal of the American Medical Association*. 2016;315(16):1750–1766. <https://doi.org/10.1001/jama.2016.4226>
10. Аржаев Ф.И., Борискин В.Э. Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальной диспропорции // Контуры радикальной трансформации: политика, экономика, право. 2024. Том 17. № 3. С. 149–168. <https://doi.org/10.31249/кгт/2024.03.08> EDN KOAIAR
11. Красова Е.В., Москальонова А.А. Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2023. № 11. С. 71–79. <https://doi.org/10.31857/S032150750028612-5> EDN PVCZZR
12. Белая Р.В., Козырева Г.Б. Дифференциация уровня жизни и структура бедности депрессивного региона // Вестник евразийской науки. 2020. Том 12. № 6. С. 17. <https://doi.org/10.15862/20ECVN620> EDN WUVVGJ
13. Engel E. Die Vorherrschenden Gewerbszweige in den Gerichtsämtern mit Beziehung auf die Productionsund Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen. *Wirtschaft und Statistik*. 2021;73(2):126-136.
14. Engel E. Die Lebenskosten Belgischer Arbeiterfamilien Früher und Jetzt. Ermittelt aus Familien-Haushaltrechnungen und Vergleichend Zusammengestellt. Dresden: C. Heinrich; 1895. 196 p.
15. Olipra J. Does Engel's Law Work in Central and Eastern European Countries? The Role of Aspirations in Determining Food Expenditures. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2024;(71):26–34. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.06.005>
16. Grings M. Ernst Engels Entdeckung vor 150 Jahren. *Agrarwirtschaft: Zeitschrift für Betriebswirtschaft, Marktforschung und Agrarpolitik*. 2007;56(7):293-296. <https://doi.org/10.52825/gjae.v56i7.1696>

17. Чернов А.Ю. Пути повышения качества жизни населения как фактора человеческого потенциала при ограниченных финансовых ресурсах государства // Экономика. Налоги. Право. 2023. Том 16. № 2. С. 59–67. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-59-67> EDN FWWZCH
18. Ткаченко А.А. Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография // Экономика. Налоги. Право. 2024. Том 17. № 3. С. 115–124. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124> EDN LAZTXW
19. Налоговый и валютный факторы неравенства (к постановке проблемы) / А.С. Танасова, Е.Ю. Соколова, И.Г. Шандра, А.В. Чигирева // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 146–159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-146-159> EDN EFQLRH
20. Гулюгина А.А., Чащина Т.В. Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 12–25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 EDN ОРНМХС
21. Молчанов И.Н. Финансы домохозяйств, бедность и уровень жизни населения // Экономика. Налоги. Право. 2021. Том 14. № 2. С. 44–54. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54> EDN ESPHAF
22. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
23. Дорофеев М.Л. Развитие методологии комплексного анализа эффективности государственной финансово-инвестиционной модели обеспечения экономической ситуации в регионе экономики региона России // Финансы: теория и практика. 2023. Том 27. № 4. С. 54–65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65> EDN FHVDQJ
24. Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой большой Стратегии демографического развития России // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 63–74. <https://doi.org/10.31857/S0869587325040127> EDN EGFZIS
25. Ахметов Т.Р., Садыков Р.М. Влияние социально-экономических факторов и рациона питания в семье на здоровье детей и подростков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Том 30. № 6. С. 1259–1264. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1259-1264> EDN YUXCLT
26. Шурина С.В. Социальное неравенство российского общества во взаимосвязи инвестиций, неравенства домохозяйств по доходам, расходам и потреблению домохозяйств // Экономика. Налоги. Право. 2023. Том 16. № 2. С. 96–107. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-96-107> EDN NSTVHS
27. Ткаченко А.А. Развитие российского общества и демографическая политика государства // Вестник Российской академии наук. 2026. Том 96. № 1. С. 5–18. <https://doi.org/10.7868/S3034520026010015> EDN BRTWBN
28. Структура затрат располагаемого дохода домохозяйства как экономическая детерминанта здоровья / Ю.О. Камаев, С.Н. Черкасов, А.В. Федяева, П.Н. Золотарев // Медицинская наука и образование Урала. 2023. Том 24. № 3(115). С. 99–103. https://doi.org/10.36361/18148999_2023_24_3_99 EDN TDNYXQ
29. Клепач А.Н., Николаенко С.А., Лукьяненко Р.Ф. Преодоление бедности и обеспечение устойчивого роста среднего класса: критерии распределения и меры политики. Часть 2 // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 3. С. 3–24. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-1> EDN WYMOGX
30. Kharas H. The Rise of the Global Middle Class: How the Search for the Good Life Can Change the World. Washington: Brookings Institution Press; 2023. 216 p. ISBN 978-0-81575-276-9
31. Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 EDN JJPCKB

Информация об авторе:

Александр Александрович Ткаченко – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 4164-7174) (Scopus Author ID: 57218891580)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Tikhonova N.E. Poverty Phenomenon in Contemporary Russia. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2014;(1(357)):7-19. (In Russ.)
2. Nazarbayeva E.A., Khalina N.V., Pishnyak A.I. Persistent Poverty in Russia: a Qualitative Study. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(11):48-58. <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042> (In Russ.)
3. Abramova O.S. Child Poverty in the Region: Assessing Parameters and Developing Recommendations to Reduce it. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economy: Theory and Practice*. 2025;23(12):40-53. <https://doi.org/10.24891/aeakuh> (In Russ.)

4. Tkachenko A.A. Child Poverty: Phenomenon and Characteristics. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(1):43-54. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.4> (In Russ.)
5. Zhuravleva T.A., Zubanova A.E., Sorokvashina Yu.S. Poverty Issues, Including the Working Poverty in Russia. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*. 2021;20(12(519)):2294-2312. <https://doi.org/10.24891/ea.20.12.2294> (In Russ.)
6. Tkachenko A.A. Bednost' kak Sotsial'nyi Fenomen. *Vlast'*. 1999;(9):35-43. (In Russ.)
7. Yarasheva A. V., Makar S. V. Family Mortgage as One of the Tools of Demographic Policy. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(S1):177-189. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189> (In Russ.)
8. Arapova E. Determinants of Household Final Consumption Expenditures in Asian Countries: A Panel Model, 1991–2015. *Applied Econometrics and International Development*. 2018;18(1):121-140.
9. Chetty R., Stepner M., Abraham S., et al. The Association Between Income and Life Expectancy in the United States, 2001–2014. *Journal of the American Medical Association*. 2016;315(16):1750–1766. <https://doi.org/10.1001/jama.2016.4226>
10. Arzhaev F.I., Boriskin V.E. Economic and Geographical Genesis of Poverty in Tajikistan: Potential for Economic Growth While Maintaining Social Disparities. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024;17(3):149-168. <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.08.e> (In Russ.)
11. Krasova E.V., Moskalionova A.A. Demographic Crisis in the Republic of Korea: History, Specifics, Perspectives. *Aziya i Afrika segodnya=Asia and Africa Today*. 2023;(11):71-79. <https://doi.org/10.31857/S032150750028612-5> (In Russ.)
12. Belaya R.V., Kozyreva G.B. Differentiation of the Standard of Living and the Structure of Poverty in a Depressed region. *Vestnik evrazijskoj nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(6):17. <https://doi.org/10.15862/20ECVN620> (In Russ.)
13. Engel E. Die Vorherrschenden Gewerbszweige in den Gerichtsamtern mit Beziehung auf die Productionsund Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen. *Wirtschaft und Statistik*. 2021;73(2):126-136.
14. Engel E. Die Lebenskosten Belgischer Arbeiterfamilien Früher und Jetzt. Ermittelt aus Familien-Haushaltrechnungen und Vergleichend Zusammengestellt. Dresden: C. Heinrich; 1895. 196 p.
15. Olipra J. Does Engel's Law Work in Central and Eastern European Countries? The Role of Aspirations in Determining Food Expenditures. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2024;(71):26–34. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.06.005>
16. Grings M. Ernst Engels Entdeckung vor 150 Jahren. *Agrarwirtschaft: Zeitschrift für Betriebswirtschaft, Marktforschung und Agrarpolitik*. 2007;56(7):293-296. <https://doi.org/10.52825/gjae.v56i7.1696>
17. Chernov A.Yu. Ways to Improve the Quality of Life of the Population as a Factor of Human Potential with Limited Financial Resources of the State. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2023;16(2):59-67. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-59-67>. (In Russ.)
18. Tkachenko A.A. Actual Problems of Development of Russian Regions: Economics and Demographics. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2024;17(3):115-124. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124>. (In Russ.)
19. Tanasova A.S., Sokolova E.Yu., Shandra I.G., et al. Tax and Foreign Exchange Factors of Inequality (to Posing a Problem). *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(1):146-159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-146-159>. (In Russ.)
20. Gulyugina A.A., Chashchina T.V. Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):12-25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 (In Russ.)
21. Molchanov I.N. Household Finances, Poverty and Standard of Living. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2021;14(2):44-54. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54> (In Russ.)
22. Bobkov V.N., OdIntsova E.V., Kolmakov I.B. Normative Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(3):84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105. (In Russ.)
23. Dorofeev M.L. Development of the Methodology for Comprehensive Analysis of the Efficiency of the State Financial and Investment Model of Population Social Security Using the Example of Russian Regional Finance. *Finansy: teoriya i praktika=Finance: Theory and Practice*. 2023;27(4):54-65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65>. (In Russ.)
24. Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. Large Multi-Generation Family as a Key Resource of the New Long-Term Strategy for Demographic Development of Russia. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(4):63–74. <https://doi.org/10.31857/S0869587325040127>. (In Russ.)
25. Akhmetov TR, Sadykov RM. The Impact of Social-Economic Factors and Family Dietary Intake on Health of Children and Adolescents. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny=Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine*. 2022;30(6):1259-1264. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1259-1264> (In Russ.)
26. Shchurina S.V. Social Inequality of Russian Society in the Relationship of Investments, Household Inequality in Income, Expenditure and Consumption. *Ekonomika. Nalogi. Pravo= Economics, Taxes and Law*. 2023;16(2):96-107. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-96-107> (In Russ.)
27. Tkachenko A.A. Development of Russian Society and Demographic Policy of the State. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2026;96(1):5-18. <https://doi.org/10.7868/S3034520026010015> (In Russ.)
28. Kamaev Yu.O., Cherkasov S.N., Fedyeva A.V., et al. The Cost Structure of Household Disposable Income as an Economic Determinant of the Health. *Medicinskaya nauka i obrazovanie Urala=Medical Science and Education of the Urals*. 2023;24(3(115)):99-103. https://doi.org/10.36361/18148999_2023_24_3_99 (In Russ.)

29. Klepach A.N., Lukyanenko R.F., Nikolaenko S.A. How to Overcome Poverty and Ensure Sustainable Growth of the Middle Class: Criteria of Distribution and Policy Measures. Part 2. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika=Moscow University Economics Bulletin*. 2022;(6):3-20. <https://doi.org/10.38050/01300105202261>. (In Russ.)
30. Kharas H. *The Rise of the Global Middle Class: How the Search for the Good Life Can Change the World*. Washington: Brookings Institution Press; 2023. 216 p. ISBN 978-0-81575-276-9
31. Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R. Regional Instruments for Program-Based Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 (In Russ.)

Information about the author:

Alexander A. Tkachenko – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, The Institute of International Economic Relations Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 4164-7174) (Scopus Author ID: 57218891580)
The author has no conflicts of interest to declare.

The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.